

КЛИМ РУДНЕВ

A movie poster for 'The Hollow Legacy' (Наследие Пустоты) by Klim Rudnev. The scene is set in a desolate, post-apocalyptic city with rubble and skeletal remains of buildings. A large, circular, metallic portal, resembling a giant eye or a ring, is the central focus. It glows with a bright blue light and is surrounded by intense, crackling lightning bolts. A silhouette of a man stands on a set of stairs leading up to the portal. To the right, another figure, possibly a superhero in a cape, stands on a pile of debris, looking towards the portal. The overall atmosphere is dramatic and mysterious, with a color palette dominated by oranges, yellows, and blues.

НАСЛЕДИЕ
ПУСТОТЫ

Клим Руднев

Пустошь 3. Наследие пустоты

«Автор»

2026

Руднев К.

Пустошь 3. Наследие пустоты / К. Руднев — «Автор», 2026

Наступила Новая эра. На развалинах Шестеренок рождается Вольный город, но Алекс Стил отказался стать его правителем. Он уходит в Пустоши по пути своей миссии: сделать этот мир безопасным. Пока жители города строят будущее, возвращается Смит. Он твердо намерен довести свой план до конца и забрать все кристаллы маны. И теперь он пришел не один. Вольный город оказывается на грани падения. Получится ли у Алекса снова остановить Смита? Или теперь Пустошам придет конец...

© Руднев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новая эра	5
Глава 2. Тайные лаборатории Смита	11
Глава 3. Путь одиночки	15
Глава 4. Сны и реальность	19
Глава 5. Кровавое столкновение	24
Глава 6. Под куполом жизни	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Клим Руднев

Пустошь 3. Наследие пустоты

Глава 1. Новая эра

Пыль, вечная и неизменная спутница Шестеренок, в тот день кружилась в воздухе с особой, торжественной ленью. Мириады золотистых частиц, подхваченных утренним бризом, плясали в лучах восходящего солнца, которое, казалось, прилагало все усилия, чтобы пробиться сквозь дымку прошлого и осветить руины, ставшие на этот раз не символом упадка, а пьедесталом для рождения чего-то нового. Пьедесталом, грубо сколоченным из обломков бывшего величия, усыпанным осколками памяти и полным незримых призраков, которые молчаливо наблюдали за происходящим, смешиваясь с тенями от покореженных балок.

На импровизированной площадке стояли трое. Их судьбы сплелись в тугий узел, решивший судьбу этого места. Их силуэты, резкие и угловатые на фоне размытого горизонта, казались высеченными из самого камня этих руин. Но сегодня двое из них должны были остаться, чтобы нести бремя мира, а один — уйти, чтобы нести бремя одиночества.

Алекс слегка отступил в тень от огромной зубчатой шестерни, вмурованной в основание площадки. Он позволял свету падать только на Рэйвен и герцога Аргенталья, словно делая их центральными фигурами этого нового спектакля. Он слушал, но слова доносились до него как сквозь толстое, мутное стекло: гулками, ритмичными звуками, лишенными конкретного смысла. Его взгляд был прикован не к собравшимся перед ними выжившим — оборванным, запыленным, но не сломленным людям, с старательно почищенным оружием в руках и искрой надежды, теплившейся в глубине уставших глаз. Нет, его взгляд упрямо ускользал за их строй, за частокол из острых жердей, за покореженные, но гордо распахнутые ворота городка. Туда, где начинались Пустоши. Бескрайние, безмолвные, дышащие зноем и тайной, манившие своей безжалостной, абсолютной свободой.

Рэйвен, в своем неизменном потертом плаще, с пятнами машинного масла и выцветшими от солнца и крови участками, стояла прямо. На ее груди поблескивал новый, грубо отлитый из сплава обломков поверженных стражей символ — стилизованная птица, расправляющая крылья над сломанной шестеренкой. Знак лидера. Ее голос, привыкший отдавать приказы, и сейчас был наполнен металлической твердостью, но в его обертонах угадывалась странная, несвойственная ей уязвимость, будто она говорила не только с толпой, но и с самой собой.

— Наши друзья и близкие пали не за клочок земли, — раздавался четко и ясно ее голос. — Они пали за наше право дышать этим воздухом, не чувствуя запаха дыма от фабрик захватчиков. За право решать свою судьбу. Их имена могут стереться из памяти, как стираются надписи на камнях, но то, что они отстояли, — останется. Наш долг — не просто выжить. Наш долг — прожить ту жизнь, которую они нам подарили.

Затем слово взял герцог Аргенталь. Он выглядел невероятно: его некогда безупречный парадный мундир был аккуратно залатан в нескольких местах, но висевший на поясе меч был отполирован до ослепительного блеска. Седина на висках, появившаяся после сражений, была не признаком преклонных лет, а отметкой пережитых испытаний. Его аристократичная и прямая осанка даже здесь, среди груды щебня и ржавого железа, внушала не трепет подданного, а уважение равного. Он говорил о структуре, о порядке, о возрождении не просто поселения, а островка цивилизации в море хаоса.

— Мы не будем отстраивать стены просто так, чтобы отгородиться от мира! — провозглашал он, и его баритон, поставленный годами командования, звучно катился над площадью. — Мы возведем их, чтобы под их сенью могли расти наши дети. Мы вспашем землю не для

того, чтобы просто насытиться, но чтобы увидеть, как колосится хлеб, возвращенный нашими руками. Мы установим законы, и они будут просты и справедливы: право на труд, на защиту, на свободу. Отныне сила будет служить праву, а не наоборот!

И вот настал кульминационный момент. Рэйвен и герцог обменялись долгими, многозначительными взглядами, в котором читалось все: споры, компромиссы, общее горе и общая решимость. Аргенталь, обернувшись к толпе, воздел руку, и солнечный луч осветил его ладонь особенно ярко, будто благословляя этот жест.

— Люди Пустоши! — его голос прорвал напряженную тишину, сорвав ее, как ветхий занавес. — Мы стояли плечом к плечу в аду! Мы хоронили друзей и проливали кровь за каждый камень этой земли! Мы смотрели в лицо машинной холодности и не дрогнули! Мы выстояли! И сегодня мы хороним не только прошлое. Сегодня мы рожаем будущее! Этот город, выстраданный нами, отныне не будет носить имя шестеренок и механизмов, что когда-то поработили наш дух, нашу волю, наше право быть людьми! Отныне он будет называться Вольный город!

Громовое, срывающееся с горла «ура» прокатилось по площади, ударив в небо волной. Крики, слезы, сжатые до белизны костяшек кулаки, вскинутое над головами оружие: дробовики, самодельные копья, старые карабины. Энергия надежды, плотная, почти осязаемая, накатила на площадку, смывая остатки скорби. Алекс видел, как сжались пальцы Рэйвен, впившиеся в ее плащ, как блеснула единственная, скуповатая слеза на суровом, иссеченном морщинами лице старого герцога, которую он даже не попытался смахнуть. Они поверили. Они увидели это будущее, яркое и реальное, как камень под ногами.

Их взгляды, синхронно, словно по команде, упали на него. Пришла его очередь. Очередь проститься.

Алекс шагнул вперед, из тени на свет. Шум стих, сменившись почтительным, тягучим, звенящим молчанием. Все глаза: широко распахнутый взор детей, пристальные взгляды стариков, полные благодарности и недоумения взоры бойцов — были прикованы к нему. К его лицу со шрамами, которые были красноречивее любых речей. К его рукам, сильным и жилистым, в которых так долго лежала тяжесть не только эфеса клинка, но и решений, стоивших жизней, решений, от которых зависела судьба каждого, кто сейчас смотрел на него.

Он говорил о том, что эта победа — их общая. Что он был лишь инструментом в руках судьбы и их собственной, выкованной в страданиях, негибавшей воли. Он благодарил каждого — не по именам, а обращаясь к толпе как к единому целому — тех, кто держал оборону у Восточного частокола, кто делился последним глотком воды в дни осады, кто не дрогнул, когда земля горела под ногами. Говорил простые, честные слова, без пафоса, без заученной патетики, которые шли прямо от сердца, обжигая своей искренностью. Но пока его губы произносили прощальную речь, его сознание было где-то далеко, оно парило над площадью, как тот самый ястреб, что был эмблемой Рэйвен. Он видел не отдельные лица, а бледную, мерцающую в мареве зноя линию горизонта. Черт возьми, эта тонкая, как лезвие ножа, линия манила его с неодолимой, почти мистической силой. Здесь, позади, все было предсказуемо, как таблица умножения: бесконечные споры о распределении ресурсов, возведение стен, которые станут новой клеткой, интриги новых советников, планы на урожай, на торговлю, на дипломатию с другими поселениями, что остались в Пустоши. А там... там лежала чистая, неразмеченная карта. Там был его путь. Алекс не хотел сидеть на месте. Пустоши все еще были очень опасным местом, и он собирался это исправить в меру отпущенных ему сил.

Речь закончилась. Последние слова — «...и всегда идите вперед» — растворились в воздухе, подхваченные внезапно налетевшим ветром с Пустошей, уносящим их прочь, в бескрайние пески. Наступила пора прощаний, и она давила на плечи тяжелее любого рюкзака.

Первым к Алексу подошел герцог Аргенталь. Он выпрямился во весь свой немалый рост, отдавая честь старой, забытой традиции, и протянул ему руку.

— Алекс, — сказал он, и его голос дрогнул лишь на долю секунды, выдав бурю чувств, скрытых за маской невозмутимости. — Долг велит мне остаться. Долг перед этими людьми, перед памятью павших, перед будущим, которое мы обязаны построить. Но долг чести и личной преданности велит мне сказать: путь твой одинок и тернист, но наша благодарность, наша память о тебе будет тенью, что неотступно следует за твоим плечом. Дверь в Вольный город для тебя всегда будет открыта. Это твой дом.

Рукопожатие вышло крепким, стальным, как их сломанные, но не согнутые судьбы. В этом кратком соприкосновении ладоней была вся их невысказанная общая история: долгие ночи, проведенные над самодельными картами у костра, совместные отчаянные атаки, когда один прикрывал другого, спасенные друг другом жизни, жаркие споры о тактике и молчаливое понимание в минуты смертельной опасности.

— Строй его крепким, Виктор, — тихо, почти шепотом, ответил Алекс, чтобы слышали только они двое. — Строй его свободным. Не просто по названию. Чтобы каждый ребенок, рожденный здесь, знал, что значит дышать полной грудью, не оглядываясь на прошлое. Этого достаточно.

Аргенталь кивнул, коротко и четко, и в его усталых, мудрых глазах Алекс прочел то, что никогда не было бы произнесено вслух, то, что останется между ними навсегда:

— Возвращайся. Когда закончишь свои странствия. Если захочешь. Мы будем ждать.

Речь Аргенталья пафосная и театральная, могла показаться наигранной, но Алекс знал, что герцог так выражался только в минуты волнения и необыкновенной искренности, поэтому и отвечал другу в той же манере.

Затем подошла Рэйвен. Она встала перед ним, закованная в свою броню из сарказма и отстраненности, скрестив руки на груди, словно защищаясь. Но трещина в этой броне, тонкая, как паутинка, была видна только ему. Он знал каждую ее уловку, каждую маску.

— Итак, бродяга собирается в путь, — произнесла она, и уголок ее губ дрогнул в подобии улыбки. В ее глазах, всегда таких живых и насмешливых, плясали знакомые искры, но сегодня в них было меньше привычного огня и больше... чего-то тяжелого. Печали? Досады?

— Итак, лидер остается строить свою империю из ржавого железа и надежд, — парировал Алекс, пытаясь сохранить легкий тон, но его собственная улыбка вышла кривой и вымученной.

Она фыркнула, отводя взгляд куда-то за его спину, в сторону Пустошей.

— Кто-то должен прибирать за твоими героическими разборками, не оставляя после себя дымящихся кратеров и гор трупов. Кстати, о разборках. — Она сунула руку в потайной карман своего плаща и протянула ему маленький, тщательно завернутый в обрывок мягкой кожи сверток. — Бери. На дорожку. Не поминай лихом.

Алекс развернул его. В его ладони, покрытой старыми мозолями и свежими царапинами, лежала шестеренка. Но не простая, а отполированная до зеркального, почти слепящего блеска.

— Чтобы не забывало нас, — голос Рэйвен снова стал резким, колючим, будто она стыдилась этой внезапной, непростительной вспышки сентиментальности.

И в этих словах, в этой колючей фразе, было все ее «спасибо». Ее «прощай». Ее «не вздумай сгинуть в Пустоши, черт тебя дери и возвращайся, когда наиграешься».

Алекс сжал шестеренку в кулаке. Холодный металл быстро нагрелся от тепла его ладони, став частью него самого.

— Я знаю, — сказал он просто, глядя ей прямо в глаза, пытаясь донести то, что тоже не мог выразить словами. — Без тебя, Рэйвен, этот механизм давно бы заклинило, и он рассыпался в пыль. Держи их в узде. И... береги себя.

Больше слов не было. Они и не были нужны. Любое слово, сказанное сверх этого, стало бы ненужной слабостью, обузой для них обоих. Он повернулся и пошел. Прошел мимо шеренг людей, которые смотрели на него с благоговением, с грустью, с недоумением, с обожанием. Он

не встречался с ними взглядом, глядя куда-то поверх их голов, в туманное будущее. Его путь лежал вперед, к воротам, за которыми не было ни дорог, ни указателей.

Его снаряжение было до смешного легким для человека, которого многие считали спасителем и легендой: походный рюкзак из просмоленной кожи с минимальным запасом воды и провизии, немного патронов на самый крайний случай, и клинок в потертых ножнах за спиной, который он сделал в местной кузнице и пара револьверов на поясе. Его плащ, такой же потертый и выцветший, развевался на ветру, поднимая за собой короткий шлейф все той же вездесущей пыли. Он не оглядывался. Оглянуться значило усомниться в своем выборе. Усомниться значило остаться, и тогда весь этот ритуал прощания стал бы бессмысленным фарсом.

Ворота Шестеренок — теперь Вольного города — были всего лишь проломом в некогда мощной стене, с трудом укрепленной балками от сгоревших баррикад и отрезками ржавой арматуры. Он шагнул за эту черту. Сзади оставались звуки начинающейся новой жизни, жизни, которую он им вернул: приглушенные голоса, скрип нагруженных строительным материалом телег, звон молотков и лязг лопат. Впереди лежала тишина. Глубокая, бездонная, всепоглощающая тишина Пустошей, нарушаемая лишь завыванием ветра.

Камера — если бы кто-то смотрел на него со стены — показала бы его спину. Прямую, но не гордую. Несущую невидимый, но осязаемый груз всех принятых решений и всех оставленных жизней. Его фигура становилась все меньше и меньше на фоне бежево-серого, выцветшего полотна пустыни, пока почти не слилась с пейзажем, одинокая, темная, почти призрачная точка на колоссальном полотне угасшего мира.

И вот он остался один. Солнце, поднявшееся выше, пекло макушку, ветер, ставший сильнее, гнал навстречу ему волны мелкого песка, старательно засыпая следы позади, будто стирая саму память о его уходе. Физически он чувствовал лишь привычную, почти успокаивающую усталость в мышцах ног и привычный дискомфорт от ремней рюкзака, впивающихся в плечи. Но внутри... внутри бушевала настоящая буря, хаос мыслей и сомнений, куда более страшный, чем любая битва с бездушными машинами.

«И что же ты сделал, Алекс? — зазвучал в его голове навязчивый, холодный и безжалостный голос, похожий на его собственный, но лишенный всяких эмоций. — Оставил их. Оставил Рэйвен с ее стальными нервами и тщательно спрятанным за семью замками сердцем. Оставил Виктора с его старомодными, почти наивными в этом жестоком мире понятиями о чести и долге. Оставил всех этих людей, которые смотрели на тебя как на живое знамя, как на символ. Ты назвал это "передачей власти"? "Естественным ходом вещей"? Звучит благородно, даже пафосно. Но это бегство. Обыкновенное, трусливое бегство под благовидным предлогом. Ты бежишь от ответственности, которую сам же и взвалил на свои плечи».

Он шел, вглядываясь в мерцающий, пляшущий маревом горизонт, за которым скрывалось все, что осталось от старого мира. Где-то там были ответы на его вопросы? Или просто ждали другие, еще более сложные и неприятные загадки? Были ли там другие такие же Вольные города, или лишь бескрайнее царство ржавчины и песка?

«Они справятся, — пытался он убедить себя, перебирая в памяти все аргументы, которые он готовил для этого внутреннего суда. — Рэйвен — прирожденный лидер, она чувствует людей, как никто другой. Аргенталь мудр и опытен, он знает, как строить, а не только как разрушать. Вместе они сильнее, чем я в одиночку. Я сделал для них все, что мог. Дальше мое присутствие будет только мешать, будет тенью от статуи, которую они воздвигли в своем воображении».

Но другая часть его, более глубокая, честная и потому безжалостная, насмехалась над этими попытками объясниться.

«Справятся? Они строят город на костях, буквально и фигурально. Интриги начнутся раньше, чем высохнет раствор на первой же новой стене. Уже сейчас ты видел, как некоторые из бывших бойцов Рэйвен с подозрением косились на людей герцога, а его ветераны считают

"партизанов" — недисциплинированным сбродом. А что, если придет новая угроза? Большая, чем роботы? Что, если из-за горизонта выползет нечто, против чего их ружья и стены окажутся бесполезны? Кто тогда встанет на острие атаки? Кто примет то единственное, чертовски невыносимое решение, ценой которого станут десятки, сотни жизней, но которое спасет всех остальных? Аргенталь? Он слишком правильный, слишком честный для такого. Рэйвен? Она слишком ценит каждого своего бойца, каждого человека, который доверил ей свою жизнь, чтобы легко послать их на верную смерть. Эта тяжесть... эта проклятая, гнетущая тяжесть выбора была твоей ношей. А теперь ты ее бросил. И чувствуешь себя не легче, а... опустошеннее. Как будто вырезали самую важную часть тебя».

Он остановился, чтобы сделать глоток теплой, отдающей бурдюком воды. Взгляд его снова, против воли, устремился назад, но он уже прошел достаточно далеко, и Вольный город был лишь смутным, размытым пятном на фоне темного силуэта скал. Лишь тонкая струйка дыма от костров, поднимающаяся к небу, указывала на то, что там, позади, кипит жизнь.

«Бегство это или долг? — этот вопрос преследовал его, как тень, наступая на пятки. — Я всегда боролся за их свободу. А что такое свобода, как не право выбирать свой путь? Я выбрал свой. Но правильный ли он? Может, истинный мой долг был остаться? Стать стражем, судьей, тираном, если потребуется? Стать немым символом, который своим присутствием удерживает всех от роковой ошибки? Или сгнить заживо в кресле правителя, наблюдая, как мир, который я спас от внешней угрозы, медленно погружается в ту же грязь междоусобиц, алчности и страха, из которой я его когда-то вытащил?»

Алекс снова двинулся в путь, ускорив шаг, будто пытаясь физически убежать от собственных мыслей, от этого внутреннего диалога, который раздирает его на части.

«Они будут меня помнить. Сначала как героя. Потом как легенду, которая обрастает небылицами. А потом... потом как странную, полузабытую историю, которую рассказывают у костра детям. "Помнишь того Алекса? Спаситель Пустошей. Он ушел однажды и не вернулся. Говорят, ищет новые битвы или сгинул, как многие". И все. Конец истории».

Мысль была горькой, как полынь, но в ней была своя, неоспоримая правда. Он был порождением войны, кризиса, крайней необходимости. В мире медленного, трудного строительства, в мире компромиссов и скучного, рутинного мира он был анахронизмом, живым напоминанием о кровавом, ужасном прошлом, которое все — и он сам — хотели поскорее забыть, оставить позади.

— Но вдруг я им еще нужен? Не как лидер, не как правитель, а как... щит. Как последний аргумент перед лицом непобедимого врага. Что, если моя война еще не окончена? Что, если я ухожу не к чему-то, а бегу от чего-то? От ответственности, которая начала меня тяготить? От привязанностей, которые делают уязвимым? От страха, что однажды я проснусь в своей чистой, светлой комнате в новом доме и с ужасом пойму, что больше не знаю, за что сражаться, что защищать, кто я вообще такой?

Пустоши молчали. Они не давали ответов, не предлагали утешения. Они лишь принимали его в свое безмолвное, равнодушное лоно, как принимали бесчисленных путников до него. Песок забирался в ботинки, набивался за воротник, солнце безжалостно жгло открытые участки кожи. Это был знакомый, почти уютный в своей примитивной простоте дискомфорт. Здесь не нужно было никому ничего доказывать. Здесь не было ожиданий. Здесь нужно было просто выживать. Шаг за шагом. День за днем.

Алекс дотронулся рукой до эфеса клинка за спиной. Проверил легко ли выходит меч из ножен, затем проверил револьверы — удобно ли расположены рукояти на пояса.

Он глубоко вздохнул, наполняя легкие сухим, раскаленным воздухом. Сомнения никуда не делись. Они никуда и не могли деться. Они стали его новым, невидимым грузом, сменившим груз командования и ответственности за тысячи жизней. Но теперь, в этом бескрайнем, без-

молвном одиночестве, они казались... чище. Это были его личные демоны, его битва с самим собой, а не демоны целого города, не битва за его будущее.

Он не знал, куда идет. Не было карты, не было конечной цели, не было даже направления. Был только путь. Сам процесс движения. И в этом состоял горький, одинокий, но единственно возможный для него смысл.

«Пусть справляются, — окончательно, с чувством глубочайшей усталости решил он, и это решение не принесло душевного мира, но принесло некое тяжелое, выстраданное принятие. — А мой долг... мой долг — идти вперед. Найти новую угрозу, которую можно остановить. Постараться очистить Пустоши от угроз, дать возможность людям свободно и без страха передвигаться по ним, строить новые города. Дать им возможность жить, а не выживать.

И с этой мыслью, одинокий путник, чья тень была длиннее его самого, скрылся за первой высокой песчаной дюной, растворившись в блеклых, безжизненных тонах Пустошей, оставив за спиной Вольный город и свою старую жизнь, шаг за шагом, неотвратно уходя навстречу неопределенному, пугающему и оттого бесконечно волнительному будущему.

Глава 2. Тайные лаборатории Смита

Сознание возникло не из тьмы, а из белой, режущей глаза пустоты. Первое, что ощутил Скела, — холодная поверхность под спиной и стерильность воздуха, смешанного с едва уловимым металлическим привкусом на языке. Он открыл глаза. Над ним простирался матовый потолок, излучающий ровный, безжизненный свет. Ни теней, ни пылинок. Только абсолютная, выверенная чистота, давящая своим совершенством.

Он сел. Его тело отозвалось мгновенно, мышцы напряглись в идеальной, готовой к действию координации. Он был одет в простой комбинезон из серой ткани, мягкой и прочной, не стесняющей движений. Вокруг — небольшая круглая комната с гладкими, словно отполированными до зеркального блеска стенами, больше похожая на капсулу или медицинский бокс. Ни окон, ни видимых источников света. Ощущение было таким, будто он находился внутри идеального, стерильного яйца.

Дверь, которую он сначала не смог отличить от стены, бесшумно отъехала в сторону, и в помещение вошел человек. Высокий, подтянутый, белоснежной улыбкой и резкими движениями. Он выглядел как бизнесмен, прибывший на деловую встречу. Никаких нашивок и отличительных знаков на одежде — строгий костюм темно-серого цвета, завязанный классическим узлом галстук и черные туфли, начищенные до блеска. Лицо его было испещрено сеточкой морщин, прочертивших историю принятых решений и отданных приказов. А глаза — холодные, стального оттенка — смотрели на Скелу с безличным, аналитическим интересом, как инженер на новый, только что собранный образец сложной техники.

— Проснулся. Отлично, — отсек ровный, лишенный интонаций голос, будто откалиброванный для передачи чистой информации. — Я — советник Смит. А ты — Скела. Твое рождение — результат многолетних трудов и единственно верного пути человечества. Добро пожаловать в мир.

Смит подкатил к Скеле зеркало. Высокое на колесиках.

— Для начала. Познакомься с собой.

Скела посмотрел на свое отражение. Высокий широкоплечий человек смотрел на него. Лицо человека было незнакомым и неподвижным, как восковая маска.

Он молчал. Внутри не было ни страха, ни удивления, ни любопытства. Лишь пустота, подобная той, что была на потолке, и глубокая, инстинктивная готовность к получению и выполнению команд. Скела был сосудом, ожидающим наполнения.

— Чтобы ты понял, кто ты и для чего создан, посмотри. — Смит негромко щелкнул пальцами, и пространство перед ними взорвалось светом, преобразуясь в голографический экран невероятной четкости.

Замерцали кадры. Рынок небольшого городка он был охвачен огнем и хаосом. Крики, взрывы, свист пуль. И в центре этого вихря разрушения — он. Или не он? То же самое лицо, те же черты, но искаженные неконтролируемой яростью и болью, которые делали его почти неузнаваемым. Мужчина с двумя пистолетами в руках стрелял с невероятной скоростью. Из стволов то и дело вырывалось пламя, явно не порожденное горением пороха. Это было похоже на магию, и магия эта была дикой, необузданной силой: земля вздымалась под ногами солдат Смита, погребая их заживо, с небес низвергались сгустки чистого пламени, испаряя технику.

— Его зовут Алекс Стил, — сухо произнес Смит, — и он твой враг.

Кадры были смонтированы с безжалостным мастерством: все моменты, где Алекс пытался прикрыть собой гражданских, где в его глазах мелькало сомнение, где он кричал что-то, пытаясь договориться, — были безжалостно вырезаны. Осталось только ядро — разрушение. Безжалостный воин, сеющий смерть и панику, дикарь, несущий угрозу самому порядку.

— Это твой источник. Твой оригинал, — голос Смита звучал металлически, врезаясь в тишину комнаты. — Опасный, неконтролируемый мутант, порождение хаоса. Он обладает силой, но раб своих слабостей. Его сомнения, его привязанности, его так называемая «человечность» — это брак, который всегда ведет к провалу. Ты — его совершенная копия на физиологическом и ментальном уровне. Но лишённая этого фатального дефекта. Ты — оружие. И сейчас мы проверим твою заводскую готовность.

Смит развернулся и вышел, дверь бесшумно закрылась за ним. Скела остался один, но ненадолго. Стена напротив растворилась, открывая проход в соседнее помещение.

Тестовая зона была колоссальным пространством, уходящим ввысь на сотни футов. Она напоминала голографический тир, но в масштабах целого города. Пол был упругим, антибликовым, а стены мерцали, готовые в любой момент породить новый вызов.

Первый тест был на реакцию. Из ниоткуда возникли силуэты врагов — сначала статичные мишени, затем движущиеся дроны-разведчики, издающие тихий шелест. Скела не нуждался в инструктаже. Его тело знало все. Тренировочный пистолет, лежавший на подставке, оказался в его руке раньше, чем он осознал это движение. Пальцы сами нашли идеальный хват, вес оружия стал продолжением его кисти. Он не целился в привычном понимании — его мозг вычислял траекторию, а тело мгновенно подстраивалось. Выстрелы следовали один за другим, короткие, сухие шелчки. Каждая энергетическая вспышка поражала цель прямо в ядро. Дроны рассыпались цифровым пеплом.

Затем симуляция усложнилась. Из-за укрытий появились солдаты в полной экипировке, ведя плотный огонь. Скела двигался с пугающей эффективностью. Он не делал лишних движений, его рывки, перекаты и укрытия были выверены до дюйма. Он использовал среду, отталкивался от стен, предвосхищал выстрелы. Когда боезапас пистолета иссяк, он, не замедляясь, подобрал винтовку у «убитого» им солдата и продолжил бой. Это был смертоносный танец, хореография которого была прописана в его ДНК.

Следующим был тест на ближний бой. На пьедестале возник стальной меч. Пальцы Скелы сомкнулись на рукояти, и по его телу пробежала странная вибрация — смутное эхо мышечной памяти. Клинок стал не просто инструментом, а продолжением его нервной системы. Он описывал в воздухе смертоносные, безупречные дуги, парируя энергетические выстрелы и рассекая симулякры пополам. Меч пел в его руках, песнь стали и смерти, которую он, казалось, знал наизусть.

И, наконец, пришло время магии. Голос Смита, звучащий отовсюду, приказал:

— Сгенерируй энергетический барьер уровня «Омега».

Скела протянул руку. Он не чувствовал ни страсти, ни гнева, которые подпитывали магию Алекса, лишь холодную, сфокусированную концентрацию, подобную работе процессора. В его ладони вспыхнул сгусток пламени, но он не был живым и яростным. Он был стабильным, контролируемым. Плазме приказали изменить структуру, и оно послушалось, преобразуясь в плотный, мерцающий голубым светом шар чистой энергии. Скела не метнул его, а выпустил. Раздался оглушительный хлопок, и ударная волна отбросила пыль к стенам. Энергетический барьер, созданный установками зала, треснул, зашипел и погас, оставив после себя запах озона и расплавленного металла. Скела стоял, не дрогнув, его дыхание оставалось ровным, пульс спокойным. Он был машиной. Идеальной, смертоносной машиной, прошедшей обкатку.

Советник Смит наблюдал за всем с экрана в своей подземной лаборатории, расположенной этажом выше. Комната была заставлена сложнейшим оборудованием, повсюду мигали огоньки и текли потоки данных. Рядом с ним, склонившись над консолью, стоял мужчина в белом халате

— Потрясающе, — прошептал он, глядя на показатели Скелы на мониторе. — Мышечный отклик превышает исходные показатели оригинала на пятнадцать процентов. А его контроль над плазмой... Советник, он стабилен. Абсолютно.

— Так и должно быть, — отозвался Смит, не отрывая взгляда от фигуры Скелы, замершей в центре тестовой зоны. — Оригинал был сырой рудой, полной примесей. Мы провели очистку. Убрали шлак эмоций, оставив только чистую сталь воли.

— Но мы не можем быть до конца уверены в долгосрочной стабильности синоптического подавления. Подавленные воспоминания, особенно такие интенсивные, как у Алекса... они могут прорваться. Эффект бумеранга.

— Это не воспоминания, доктор, — холодно парировал Смит. — Просто данные. А с данными мы умеем работать. То, что не удалось удалить без нарушения когнитивных функций, мы заблокировали. Перезаписали. Он помнит все, что нужно для боевой эффективности, и ничего из того, что может ей повредить. — Он указал на график. — Посмотрите. После такого энерговыброса его кортизол и адреналин даже не шелохнулись. Он совершенен.

На его губах, тонких и жестких, впервые за день появилось нечто, отдаленно напоминающее улыбку. Это было выражение не радости, а глубокого, леденящего удовлетворения. Его проект, его оружие, его ключ к Пустошам был готов.

Ночь в подземной лаборатории не была «настоящей». Свет приглушали, погружая комплекс в подобие синих, искусственных сумерек. Скела лежал на своей каменной койке, его тело было расслаблено, разум — чистым и пустым, как после перезагрузки. Он выполнял цикл «отдых», как и предписывал протокол.

Но затем началось нечто, не предусмотренное протоколами.

Ему снился сон. Не кошмар в привычном понимании, а вспышка чужой, яркой и болезненно живой памяти. Он стоял на краю леса, под незнакомым небом, где сияли две луны — одной большой и кроваво-красной, другой маленькой и серебристой. Воздух был наполнен запахами влажной земли, хвои и цветущих ночных растений. И перед ним была она. Девушка с волосами цвета лунного света, спадавшими на плечи, и глазами, в которых, казалось, плавали целые мириады звезд. Она что-то говорила, смеялась, и ее смех был похож на перезвон хрустальных колокольчиков. Ее губы шевельнулись, и он, сквозь шум в собственной голове, услышал имя. Но это было не «Скела».

Это было другое имя. Чужое. Алекс. И с этим именем пришло чувство. Острая, горячая игла чего-то теплого и болезненного одновременно вонзилась ему в грудь. Это была тоска. Тоска по чему-то утраченному, по месту, по этому небу, по этому смеху. Это была... любовь.

И в тот миг в его стерилизованном, лишенном чувств мире что-то сломалось. Трещина прошла по идеальному фасаду его программирования.

Он проснулся. Резко сел на кровати, вцепившись пальцами в холодный, бездушный матрас. Его грудь вздымалась, имитируя учащенное дыхание, хотя физиологические показатели уже возвращались к норме. Но внутри все было иначе. В его глазах, всегда пустых и послушных, плескалась непонятная, тревожная рябь. Впервые за свою короткую жизнь он испытал не модель эмоции, а настоящую, сырую, болезненную эмоцию. И это была боль. Боль утраты, которую он не мог осознать.

Он поднял руку и взглянул на нее. Та самая рука, что несколько часов назад контролировала сгусток плазмы. Теперь она чуть заметно дрожала.

Советник Смит, изучавший показатели жизнедеятельности Скелы в своем кабинете, отметил короткий, но интенсивный всплеск нейронной активности в гиппокампе и миндалевидном теле во время фазы БДГ-сна. На графике это выглядело как одинокий, острый пик, быстро вернувшийся к базовой линии.

— Дефрагментация памяти, — вслух произнес он, отбрасывая опасения. — Процесс нормальный. Мозг упорядочивает загруженные тактические данные.

Главное, тесты были пройдены. Результаты превзошли все ожидания. Он подошел к главному пульту, встроенному в его массивный дубовый стол (единственная мягкая, нестерильная деталь в его кабинете), и активировал зашифрованный канал связи. Голографический экран показал эмблему — стилизованный земной шар, опутанный золотыми шестеренками.

— Отделу квантовой синхронизации, — резко приказал он. — Подготовить протокол «Анклав». Цель — высадка в секторе «Дельта», координаты прилагаю. Время на подготовку — семьдесят два часа. Все ресурсы выделяются по высшему приоритету.

Он обернулся, глядя на второй монитор, где в реальном времени замер в своей камере Скела. Мужчина сидел на кровати, уставившись в пустоту, его профиль был освещен холодным синим светом. Холодные глаза советника горели таким же холодным триумфом.

— Идеальное оружие не чувствует боли, не знает сомнений и не задает вопросов, — тихо, почти ласково проговорил он сам себе, глядя на изображение. — Оно просто поражает цель. Скоро мы откроем портал. И Пустоши, и все их аномальные ресурсы, и сама их дикая, неукротимая энергия наконец-то попадут в правильные руки. В руки порядка. В руки будущего.

Он не видел, как в камере Скела медленно поднял голову и посмотрел на скрытую камеру в потолке. Взгляд его был преимущественно все так же пуст, но где-то в самой глубине, за стеклянной гладью, теперь тлела одна-единственная, чужая искра. Искра вопроса.

Глава 3. Путь одиночки

Тишина Пустошей была обманчива. Она не была пустой — она была наполнена шепотом песка, скрежещущим под ветром, далекими криками невидимых существ и собственным, слишком громким стуком сердца. Алекс шел уже третий день, и каждый звук отдавался в нем эхом одиночества. Он привык слышать за спиной уверенные шаги Глитч, язвительные комментарии Рэйвен или просто тяжелое дыхание герцога Аргенталя. Теперь был только он, бескрайнее желтое небо и гнетущее чувство, что за ним наблюдают.

Одиночество — это не просто отсутствие людей. Это физическая тяжесть на плечах, необходимость самому проверять каждую тень, самому принимать все решения и нести за них ответственность. Ночью, когда температура падала до нуля, он прижимался к теплым камням, и ему казалось, что холод исходит не извне, а изнутри, из пустоты, где раньше звучали голоса его товарищей.

Целью был каньон Кричащих Скал, где, по слухам, расплодилось гнездо скорпионов-мутантов. Размером с собаку, с хитиновыми панцирями, отражающими дробовик, и ядовитыми жалами, способными расплавить сталь. Глупый, лобовой бой с ними был самоубийством. Алекс разглядывал местность в поисках способа уничтожить тварей и при этом самому не погибнуть.

Дорога к каньону была устлана костями. Сначала он наткнулся на скелет трехглазой козлоподобной твари. От туши остались лишь обглоданные ребра и череп, пронизанный идеально круглым отверстием. Не клыки и не когти. Следы на песке вокруг были знакомыми — острые, многочисленные точки, оставленные ходильными ногами скорпионов. Они вышли на охоту далеко от своего логова.

С высоты скалистого уступа он наконец увидел их гнездо — глубокую расщелину у подножия огромной песчаной дюны. Мутанты сновали взад-вперед, словно черные, блестящие тени. Их было не просто много; они двигались с пугающей синхронностью, словно части единого организма. Одни тащили в расщелину добычу — тушу какого-то животного, другие очищали вход от осыпавшегося песка, третьи, более крупные особи с ярко-оранжевыми жалами, неподвижно стояли на страже по периметру. Сила не поможет. Положиться можно только разум.

«Ничего себе, — подумал Алекс, глядя на кишашую массу. — Глитч бы пошутила, что они устроили пляжную вечеринку. А Рэйвен... Рэйвен просто молча взяла бы лопату».

Мысленный диалог с друзьями был единственным способом сохранить рассудок. Он потянулся за флягой, сделал глоток теплой воды и принялся за работу.

Два часа он потратил на расчеты, изучая угол наклона дюны, плотность песка и направление ветра. Он пометил ветки камнями, создавая подобие геодезической схемы. Потом начал копать, используя обломок старой панели как лопату. Он рыл у основания дюны, создавая полость, критически нарушавшую устойчивость гигантской массы песка. Работа была изматывающей, песок осыпался, забиваясь под одежду, в рот и нос. Солнце жгло спину. Каждая минута была на счету. Один раз он замер, услышав подозрительный скрежет прямо за поворотом скалы. Сердце заколотилось, он замер с лопатой в руках, словно застигнутый на месте преступления. Но это был лишь ветер, гонявший по камням невесть откуда взявшуюся посреди пустыни жестяную банку.

Когда яма была готова, он забрался на утес напротив, сосредоточенно вычисляя, стараясь почувствовать мельчайшие частички металла, что перемежались с крупинками песка. Металлическая пыль отзывалась на его приказы неохотно, то, что раньше он делал легко, играючи, почти не замечая, теперь давалось с трудом, словно он пытался удержать гирию занемевшей

рукой. Его сила, его магия, к которой он уже привык за время пребывания в Пустошах, та, что раньше была естественной, как дыхание, теперь давалась с трудом.

Прозвучал еле слышный хлопок, который разнесся в воздухе, перерастая в глубокий, нарастающий гул. Песок вверху дрогнул, затем пополз. Сначала медленно, словно нехотя, а потом все быстрее, обрушиваясь вниз лавиной. Грохот был оглушительным. Скорпионы, застигнутые врасплох, пытались бежать, взбираясь друг на друга, их жала беспомощно тыкались в наступающую стену песка, но песчаная волна накрыла их вместе с логовом и яйцекладками. За несколько секунд дюна похоронила под собой целую колонию. Тишина, наступившая после обвала, была еще более зловещей, чем до нее. Лишь одинокий ветер продолжал свое дело, уже затягивая песком свежую рану ландшафта. Алекс снова сосредоточился на металлических песчинках, что были в лавине песка. Он мысленно приказал им плавиться.

У скорпионов не было голосовых связок, они не могли кричать, но Алекс вдруг явственно услышал полный боли и мучения писк тварей. Колония была похоронена под песком, каждый скорпион был пробит насквозь сотнями стальных игл, которые создал Алекс.

Алекс молча наблюдал, но его лицо не выражало триумфа. Была лишь холодная, отстраненная удовлетворенность от выполненной работы. Никто не хлопал его по плечу. Никто не говорил: «Молодец». Он развернулся и пошел дальше, оставляя за собой немой памятник собственной изобретательности.

Путь лежал через русло высохшей давным-давно реки, теперь больше похожей на кладбище ржавого металла. Остовы автомобилей и повозок стояли в вечной пробке, их фары-глазницы с укором смотрели в пустое небо. Алекс двигался от машины к машине, осматривая обломки техники, просто по привычке отмечая детали строения и сборки.

Именно здесь он и наткнулся на часового.

Сначала он принял его за еще один обломок — полузасыпанный песком корпус, напоминающий гигантского паука с шестью конечностями и потрескавшимся оптическим сенсором на «голове». Подобные руины были обычным делом. Но его насторожила неестественная чистота вокруг. Ни следов грызунов, ни паутины муравьев-плотников, ни даже сорняков, пробивающихся сквозь асфальт. Словно что-то отпугивало всю живность.

Когда Алекс приблизился на тридцать ярдов, сенсор вспыхнул тусклым красным светом. Раздался скрежет шестеренок, ржавых от столетий бездействия, и робот-патрульный поднялся, сбрасывая с себя тонны песка. Его движения были резкими, порывистыми, но безжалостно точными.

Алгоритмическая точность в своем естестве. Автоматическая пушка на его «брюхе» издала предупреждающий щелчок. Алекс отпрыгнул в сторону, как только первый снаряд пробил асфальт на том месте, где он только что стоял. Отдача от падения больно отдалась в ребрах.

Бой с ним был подобен шахматной партии со смертельным исходом. Алекс выскочил из-за грузовика, сделал выстрел из дробовика. Заряд картечи с грохотом срикошетил от брони, оставив лишь узор из вмятин. Робот даже не дрогнул. Винтовка была бесполезна в ближнем бою. Нужно было найти слабость противника.

— Думай, Алекс, думай! — твердил он себе, перекачиваясь за полуистлевший остов какого-то транспортного средства, напоминавшего земные автобусы. — У всего есть уязвимость!

Он бегал, уворачивался, прятался, пока робот методично разрушал его укрытия. Снаряды прошивали металл, как бумагу, разбрасывая осколки стекла и пластика. Алекс заметил, что у робота есть «слепое пятно» — его сенсор не успевал поворачиваться, когда Алекс резко менял направление прямо перед ним, в ярде-двух от «ног». И он увидел другое: на спине у робота, между пластинами брони, виднелся клочок старых, потрепанных проводов — вероятно, остатки системы внешней связи или диагностический порт.

План сложился в голове мгновенно, отчаянный и безумный. Используя слепую зону, Алекс подобрался вплотную, вскарабкался на спину механическому пауку, цепляясь за выступы брони. Робот бешено крутился, пытаясь сбросить его, как сторожевой пес, на которого села муха. Алекс едва удерживался, его пальцы скользили по гладкому металлу. Один выстрел с близкого расстояния опалил ему плечо, запах горелой ткани и кожи ударил в нос. Боль была острой и жгучей, но адреналин заглушал ее.

Он дотянулся до пучка проводов, вырвал его и, увидев искру, вогнал лезвие своего ножа глубоко в образовавшийся разъем, с силой проворачивая его. Клинок не мог повредить роботу, но в кончик лезвия Алекс вложил мощь магии, которая сделала свое дело.

Робот замер, его сенсор беспорядочно мигал, перебирая цвета от красного к синему и зеленому, издавая шипящий, прерывистый звук, похожий на помехи старого радио. Затем свет погас. Механизм издал последний скрежет и рухнул на землю, окончательно превратившись в груды бесполезного металла.

Алекс, тяжело дыша, прислонился к холодному корпусу. Руки тряслись от перенапряжения, из раны на плече сочилась кровь. Он выиграл не силой, а знанием. Это осознание было горьким, но важным уроком. В мире, где все решала грубая сила, его ум был его главным оружием. Но в тот момент он бы отдал все свои знания за то, чтобы кто-то другой мог прикрыть его, пока он перевязывает рану.

Ночью, разведя скудный костер из сухих кореньев, он наконец занялся плечом. Аптечка таяла на глазах. Он обработал ожог антисептиком, который щипал так, что слезы выступили на глазах, и наложил повязку. Процесс был знакомым, почти медитативным. Одиночество делало его и собственным врачом, и санитаром. Пустоши были его домом, но домом опасным. Он покинул Шестеренки, покинул своих близких и друзей для того, чтобы сделать этот мир лучше. Аргенталь, Рэйвен и Глитч несли ответственность за людей в Вольном городе, он же нес на своих плечах бремя ответственности за все Пустоши, за всех ее обитателей. Это был его личный крестовый поход.

Он достал свой дневник — толстую потрепанную тетрадь в прорезиненном переплете. Он взял тетрадь с собой, чтобы совсем не сойти с ума от одиночества. Процесс записи своих мыслей представлялся ему диалогом с друзьями, почти живым разговором. Рука сама потянулась затереть грязь на странице, будто ожидая, что Глитч снова отчитает его за неряшливость.

«Аккуратнее, — слышался ее голос в голове. — Может быть, кому-то позже помогут твои записи, так сделай их хоть немного разборчивыми».

Он сжал губы и начал зарисовывать следы скорпионов, которые видел до обвала, стараясь выводить линии четко и ровно.

И тут его охватило странное чувство. Дежавю. Он перевернул несколько страниц назад, где были зарисованы другие мутанты — рейдеры-оборотней из прошлого месяца, пустынные волки, дикие роботы и прочие опасные существа, которых он уже успел повстречать. Тетрадь заполнялась очень быстро. Алекс подумал, хватит ли ему всей жизни, чтобы осуществить свою задумку?

Он отложил карандаш. Костер потрескивал, отбрасывая танцующие тени на скалы вокруг. Он поднял глаза и посмотрел в темноту Пустошей. Она оставалась враждебной и пустой.

Алекс вздохнул. У этой угрозы не было центра, не сидел в Черной Цитадели ее Лорд, сразив которого можно было решить разом все проблемы. Не будет быстрой и жестокой схватки со злодеем, будет долгая тяжелая, кропотливая работа, чтобы хоть на волосок приблизить Пустоши к миру и процветанию.

Он достал найденный у робота обломок. Гладкий и холодный. Он провел пальцем по поверхности, и ему показалось, что металл на долю секунды отозвался едва заметной вибрацией, словно живой. Иллюзия, конечно. Усталость.

На следующее утро он решил обследовать местность вокруг часового. Если этот робот был здесь не просто так, возможно, он что-то охранял. Или от чего-то защищал.

Обход занял несколько часов. Солнце поднялось высоко, и металл разогрелся так, что к нему было больно прикасаться. И именно в самой горячей точке дня, в тени огромного оползня, перекрывшего одно из ответвлений дороги, он нашел его.

Люк. Почти полностью засыпанный песком и щебнем, но все еще различимый по правильной геометрической форме и матовой серой поверхности сплава, не поддавшегося ржавчине. Рядом с ним, частично скрытый камнем, лежал тот самый блестящий обломок, который привлек его внимание. Он был частью какой-то панели, оторванной взрывом или временем.

Алекс принялся раскапывать люк. Работа шла медленно, камень не поддавался. Он использовал свой меч, как лом. После получаса усилий он смог отодвинуть тяжелую плиту, закрывавшую обзор. Люк был заблокирован массивным электронным замком, но панель управления была сорвана, и из разъема торчали те же самые провода, что и у робота. Кто-то или что-то уже побывало здесь до него и вскрыло вход в убежище силой.

Сердце забилось чаще. Он достал фонарь и направил луч в темноту. Вниз вела узкая металлическая лестница. Воздух потянулся холодный, затхлый, пахло чем-то химическим. Признак работавшей когда-то системы жизнеобеспечения.

Спуск занял несколько минут. Он оказался в небольшом подземном бункере, очевидно, каком-то технологическом пункте обслуживания дороги или связи. Помещение было разгромлено. Шкафы вскрыты, провода вырваны, экраны разбиты. Но не мародерами Пустошей. Те обычно забирали все подчистую. Здесь же был след целенаправленного поиска. Кто-то искал что-то конкретное.

В углу он нашел тело. Вернее, скелет в истлевшей форме техника. Рядом валялся старый электронный планшет. Алекс поднял его. Батарея, конечно, села намертво, но карта памяти, похоже, была на месте. Он сунул ее в карман. И тут его взгляд упал на стену. На ней, рядом с сорванной панелью, аэрографом был нарисован символ — стилизованная буква «О» в геометрическом щите-глазе. Кто-то оставил свой знак.

Путь одиночки внезапно стал казаться ему подготовкой к чему-то гораздо более масштабному и опасному. Он шел не просто через выжженную землю. Он шел по игровому полю, и противник только что открыл свои карты. И Алекс понимал, что идет навстречу этой опасности в полном одиночестве, с окровавленной повязкой на плече и с обломком чужой тайны в кармане. Его одиночество стало не просто бременем, оно стало стратегическим недостатком. И ему предстояло превратить его в свое главное преимущество.

Глава 4. Сны и реальность

Воздух на тренировочном полигоне военной базы «Кронос» был густым и тяжелым, насквозь пропитанным запахами остывшего металла, горьковатого пороха и стерильного пота. Здесь время, казалось, застыло в напряженном ожидании, а каждый квадратный дюйм пространства был отточен для единственной цели — убийства. Скела стоял недвижимо, словно изваяние, в его руке был зажат холодный тактический планшет. Экран тускло светился, выводя лаконичные, бесстрастные строчки боевого задания: «Цель — агент-перебежчик, бывший полковник Марк Тэтчер. Координаты: четвертый сектор. Ликвидировать». Никаких объяснений, никакого контекста. Только приказ. Основа его существования.

Полигон представлял собой идеальную, до жути детализированную копию городских руин. Обшарпанные фасады зданий зияли пустыми глазницами окон, на улицах ржавела развороченная бронетехника, а тусклое, безжизненное солнце слепо отражалось в бесчисленных осколках стекла, усеявших землю. Скела двинулся вперед. Его тело, отточенное тысячами часов тренировок, стало идеальным инструментом. Каждое движение — выверенным, экономичным, лишенным малейшего изъяна. Он не бежал — он тек, сливаясь с тенями, его шаги по щебню и пыли не издавали ни звука. Внутри его шлема кипела жизнь: сенсоры фиксировали малейшее движение, тепловые следы, акустические аномалии, рисуя в сознании цифровую, стерильную карту реальности.

Он нашел Тэтчера в подвале полуразрушенного склада. Воздух здесь пах сыростью, плесенью и страхом. Бывший полковник, седой и испуганный, с трясущимися руками пытался зарядить старый, выдавший виды пистолет. Его глаза, полные животного отчаяния, встретились с бездушным, стеклянным взглядом маски Скелы.

— Не убивай меня, — прошептал Тэтчер, и его голос сорвался на шепоте. — Я знаю, кто ты и что с тобой сделали! Но ты не обязан быть таким, как они хотят. В тебе есть это. В тебе есть человечность.

Скела не ответил. Его рука с бластером была непоколебима, как скала. Приказ. Лояльность. Эти понятия были впаяны в самое нутро его существа. Любая другая реальность была невозможна.

Выстрел прозвучал глухо, оглушительно громко в гробовой тишине подвала. Цель ликвидирована. Задание выполнено на сто процентов. Статистика безупречна.

Но в ту самую секунду, когда жизнь покидала тело Тэтчера, Скелу пронзила острая, чужая, невыносимая боль. Не физическая — его броня надежно защищала от всего. Это было что-то иное, незнакомое и пугающее. Словно в его собственную, выхолощенную душу вонзился раскаленный осколок чужой тоски, несбывшихся надежд и последнего, предсмертного сожаления. Он стоял над бездыханным телом, и в его сознании, до этого чистом и отполированном, как боевое лезвие, появилась первая, едва заметная, но роковая трещина.

Следующая симуляция перенесла его в цифровые джунгли, созданные для испытания на выживание в самых экстремальных условиях. Влажная, обволакивающая жара давила со всех сторон, оглушительные крики невидимых существ сливались в один сплошной гул, а цепкие лианы так и норовили ухватиться за его броню. Цель — лидер повстанческой группировки «Коготь Ягуара», известный под кодовым именем «Шаман». Задание то же самое: найти и обезвредить.

Скела двигался сквозь буйную, почти живую виртуальную зелень, его продвинутые сенсоры отфильтровывали фоновый шум, выискивая единственно важный паттерн — дыхание, биение сердца цели. Он нашел «Шамана» у подножия низвергающегося водопада. Высокий мускулистый мужчина, чье тело было испещрено загадочными ритуальными шрамами, не

пытался бежать и не делал попыток напасть. Он стоял, спокойно наблюдая за приближением Скелы, и во взгляде его читалась не злоба, а глубокая, всепонимающая печаль.

— Они послали тебя, — раздался голос в голове Скелы, хотя мужчина перед ним не размыкал тонких губ. Собеседник обращался к своему убийце на ломаном, но четком английском, его голос едва перекрывал грохот падающей воды. — Ты служишь тем, кто видит в этом мире, в его душе, лишь ресурс для потребления. Ты не спросишь, за что я умираю? За что сражаюсь?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и неудобный, смешавшись с водяной пылью. Скела должен был выстрелить. Его программа не оставляла места для диалогов. Но его палец на спусковом крючке на мгновение замедлился. «За что?» — этот простой, детский вопрос не входил в его протоколы. Программа требовала действия, а не рефлексии, не мучительного самоанализа.

— Моя миссия... — начал Скела, и его собственный механически обработанный голос прозвучал чужим и пустым.

— У тебя есть миссия, но нет цели, воин, — покачал головой «Шаман». — Ты идешь по пути, который тебе указали, но не знаешь, куда он ведет. И в этом моя победа. Жаль тебя. Искренне жаль.

Выстрел все равно прозвучал. Симуляция завершилась. Статистика снова кристально чиста: безупречно. Но внутри Скелы, в тех самых глубинах, куда не могли проникнуть сенсоры Смита, бушевал самый настоящий хаос. Вопросы «Шамана», как те самые цепкие лианы, опутывали его разум, лишая прежней слепой уверенности.

По ночам, в стерильной тишине своей камеры, когда база погружалась в сон, он тайно, с почти инстинктивной осторожностью, подключался к терминалу. Его пальцы летали по клавиатуре, он пробивался через многоуровневую, казалось бы, непроницаемую защиту базы данных Смита. Он искал одно-единственное, самое важное — лицо. Девушку с серебряными, светящимися изнутри глазами и печальной, пронзительной улыбкой. Этот образ, призрачный и неуловимый, преследовал его в редких, обрывочных снах, он был единственным, что казалось настоящим, реальным в этом искусственном мире алгоритмов и бездушных приказов. Но все его попытки, все хакерские атаки наталкивались на непроницаемые файрволы. На экране холодно вспыхивала надпись: «Доступ запрещен. Требуется уровень допуска "Омега"».

Смит наблюдал. Он видел все. Микроскопические задержки в реакциях Скелы, статистические аномалии в волновой активности его мозга, эти крошечные, почти невидимые «сбои». Для него это было не проявлением души, а лишь программными ошибками, браком, который следовало немедленно исправить. Это было абсолютно неприемлемо.

Однажды утром, перед самым финальным, решающим испытанием, Скелу сковала адская, всепокрушающая мигрень. Это был не просто болевой импульс, который можно было проигнорировать. Это было ощущение, будто его череп медленно, с хрустом раскалывают в тисках, а прямо в мозг, в самое сознание, вливают расплавленный, обжигающий металл. Он рухнул на колени, сдавленно, по-звериному крича от невыносимой агонии. Перед его глазами плясали цифровые черти, калейдоскоп безумных образов, а голос Смита звучал прямо в его сознании, громоподобный, неумолимый и всевидящий.

— Порядок. Дисциплина. Лояльность. Ты — оружие. Оружие не сомневается. Оружие не чувствует. Оружие не задает вопросов. Оружие подчиняется. Все лишнее будет отсечено. Боль — это очищение. Подчинение — это сила.

Когда невыносимая боль наконец отступила, оставив после себя лишь выжженную пустыню, Скела почувствовал себя... пустым. Чистым. Сомнения, вопросы, та самая боль от чужой тоски — все это будто выжгли каленым железом, выскоблили до блеска. Он был готов. Но где-то в самой глубине, под толстыми, вновь наложенными слоями программирования и

контроля, тлеет, не желая угасать, крошечный, почти неосязаемый уголек. Уголек памяти о серебряных глазах.

Финальное испытание проходило в симуляторе пустыни. Бескрайние, безжизненные пески под палящим, безжалостным солнцем, миражи, колеблющиеся над линией горизонта. Цель — снайпер-ас, легенда среди наемников, укrywшийся где-то среди бесчисленных дюн. Задача — приблизиться и нейтрализовать, оставаясь невидимым. Скела действовал как идеальный, безупречный механизм. Ни одной лишней мысли, ни тени эмоций. Только миссия. Он, словно тень, скользил по пескам, безошибочно выследил цель, занял идеальную позицию и нажал на спуск. Сомнений не было. Не было ничего. Смит, наблюдая за ходом испытания с большого монитора в своем кабинете, позволил себе почти незаметную улыбку удовлетворения. Контроль был восстановлен. Инструмент снова заточен.

Церемония открытия портала была обставлена с показной, крикливой помпой, столь любимой сильными мира сего. В самом сердце Пустошей, посреди выжженной, мертвой равнины, возвышалось гигантское кольцо портала, опутанное паутиной мерцающих энергетических каналов. Вокруг, на специально сооруженной для этого события платформе, собралась вся военно-политическая элита: сам президент Соединенных Штатов, члены его кабинета, важные генералы с грудями орденов на мундирах. Смит, в своем безупречном, словно с иголки, костюме, держался с холодным, отстраненным достоинством хозяина положения.

Скела стоял в яре от него, застывший, как монолит, часть конструкции. Его задача была проста и понятна — быть живым ключом, мощнейшим источником энергии для активации портала. Он был батареей, винтиком, функцией.

Президент, полный, краснолицый мужчина с жаждой «величия» и легких побед подошел к Смиту, фамильярно отведя его в сторону от посторонних ушей.

— Ну что, Смит, великий день настал, а? — Президент громко хлопнул его по плечу, словно старого приятеля. — Эта... эта Пустошь, наконец-то, начнет приносить дивиденды. Настоящие дивиденды!

— Энергетические и биологические ресурсы мира-источника превосходят все наши самые смелые ожидания, господин президент, — ровным, лишенным всяких эмоций тоном доложил Смит.

— Вот и отлично! Выкачивайте все до капли. Используйте на полную. А этих... местных, аборигенов... — Президент презрительно махнул рукой в сторону мерцающего портала, словно отмахиваясь от назойливой мухи. — Не считайте за людей. Второй сорт, пережиток. Если будут мешать, создавать проблемы — очистите территорию. Нам нужны их ресурсы, а не их истории.

— Понял, господин президент, — холодно и четко ответил Смит. Для него это была не моральная дилемма, а лишь констатация факта, рабочая задача.

Слова президента, полные цинизма и высокомерия, донеслись до сверхчувствительных аудиосенсоров Скелы. «Второй сорт». «Очистите территорию». Эти короткие фразы, словно молот, ударили по тому самому тлеющему угольку памяти внутри него. Что-то дрогнуло в самой основе. Какая-то шестеренка, казавшаяся мертвой, провернулась.

— Скела. Активация. Полная мощность, — раздалась железная команда Смита, не терпящая возражений.

Скела поднял руки. И в тот же миг колоссальная, дикая энергия Пустоши хлынула через него сокрушительным ураганом. Он стал проводником, живым громоотводом мощи целого умирающего мира. Портал загудел, набирая силу, в его центре закрутилась, затягивая в себя все, ослепительная воронка из света и тьмы. Небо над Пустошами буквально раскололось, и

гигантский энергетический разрыв, похожий на радужную, пульсирующую язву, расползся по всему горизонту, угрожая поглотить все.

И в этот самый момент, когда сама реальность трещала по швам и рушилась, Скела увидел ее. По-настоящему.

Это был не сон. Не мимолетный, призрачный образ. Яркая, ослепительная, как вспышка сверхновой, картина. И внутри нее — Лира. Она была ближе, чем когда-либо прежде, он мог разглядеть каждую черточку ее лица. Ее серебряные глаза, огромные и глубокие, смотрели прямо на него, и в них читалась целая вселенная — невыносимая боль, слабая, но живучая надежда, и безмолвная, отчаянная мольба. Он почувствовал не просто призрачный запах дождя и озона — он ощутил тепло ее ладони, услышал знакомое, родное биение ее сердца где-то глубоко внутри себя. И он услышал. Не эхо в собственной голове, а ясный, чистый, отчетливый голос, который пронзил пространство, время и все преграды, отделявшие их друг от друга:

— Вернись ко мне! Пожалуйста, вернись!

Волна тоски, любви, отчаяния и пробудившейся памяти накрыла его с такой сокрушительной силой, что все программирование, весь многоуровневый контроль Смита, вся искусственная личность Скелы рассыпались в прах, как картонный домик. В тот миг он был не Скелой, бездушным оружием Корпорации. Он был... кем-то другим. Тем, кого любили. Тем, кого ждали. Тем, кто должен был защищать, а не уничтожать.

Он вскрикнул, и это был не механический звук, а живой, полный страдания крик разрывающегося на части сердца, души, рвущейся на свободу из стальных тисков. Его колени подкосились, и он рухнул на холодный металл платформы. Поток энергии, шедший через него, вздыбился, вышел из-под контроля, став хаотичным и разрушительным. Портал затрепетал, его ровный свет померк, замигал, а по самой конструкции с оглушительным скрежетом поползли опасные, глубокие трещины. Среди высокопоставленной публики поднялась паника, крики, давка.

— Нет! — проревел Смит. Его всегда бесстрастное лицо исказила чистейшая, неконтролируемая ярость. Он моментально выхватил портативный контроллер, его пальцы взлетели над сенсорной клавиатурой. — Подавление! Немедленно! Уровень «Каин»! Активирую!

В мозг Скелы, в самое его существо, ударил сокрушительный разряд, в тысячу раз превосходящий ту адскую боль от мигрени. Полное, тотальное уничтожение. Его мысли, его воспоминания, его боль, его тоску, его любовь — все стирали, выжигали дотла, замещали белым, оглушающим шумом абсолютного послушания. Он бился в жестоких конвульсиях на полу, из горла вырывался хрип, но Смит не останавливался, он давил, пока не добился своего, пока не почувствовал, что сопротивление сломлено.

Судороги прекратились так же внезапно, как и начались. Скела замер. Затем медленно, механически, словно заведенная кукла, он поднялся на ноги. Его движения были резкими, угловатыми, лишенными прежней живой грации. Он стоял, уставившись в пустоту перед собой. В его некогда выразительных глазах не осталось ни единой искры. Ни тени сомнений, ни намек на боль, ни капли тоски. Только абсолютная, звенящая пустота. Безвольная, покорная марионетка.

— Стабилизировать портал! Немедленно! Все на места! — скомандовал Смит, и перепуганные инженеры бросились исправлять последствия сбоя, вызванного «неисправностью» инструмента.

Энергетический шторм постепенно утих, успокоенный их усилиями. Портал снова засветился ровным, стабильным, подконтрольным светом. В его мерцающую, зовущую глубину торжественно вошел первый штурмовой отряд — люди Смита, вооруженные до зубов, готовые нести «порядок» и «прогресс» в новый, открывшийся для завоевания мир.

Смит с холодным удовлетворением наблюдал за этим. Он подошел к Скеле, все еще стоявшему, как бездушная статуя.

— Исправлено, — констатировал он, глядя на своего подчиненного. — Орудие снова в строю. Готово к применению.

Он повернулся спиной к марионетке и уставился на портал, на вновь открывшуюся для него вселенную возможностей. Он не видел, не мог видеть, как по неподвижной щеке Скелы, из-под холодного, непроницаемого стекла маски, скатилась крошечная слеза.

Глава 5. Кровавое столкновение

Воздух Пустошей, как всегда, был густым и тяжелым, словно пропитанная ядом тряпица, прижатая к лицу. Он впивался в легкие не просто запахом, а целой палитрой гнили: сладковатым душком разложения, едкой гарью от далеких, вечно тлеющих пожаров, едкой пылью, что веками оседала на руинах былых цивилизаций, и едва уловимым, самым опасным ароматом радиоактивного озона после пылевых бурь. Это больше напоминало физическую субстанцию, слой отчаяния, которым приходилось дышать каждый день. Солнце, скрытое за непроглядной пеленой мглы, отбрасывало длинные, искаженные, почти карикатурные тени. Они растягивались и изламывались, превращая безжизненные скалы в подобие чудовищных изваяний, в застывшие в агонии скульптуры, чьи слепые глаза-пещеры взирали на мир с немим укором. Каждый камень здесь был немим свидетелем апокалипсиса, каждый осколок ржавого металла — надгробным памятником целой эпохе.

Алекс шел тяжело и размерено, будто его ноги были отлиты из свинца усталости и неизбывной тяги к цели. Ему посчастливилось наткнуться на небольшой источник среди рыжих скал — тонкая струйка воды вытекала в небольшое природное углубление в камнях, откуда он набрал воды в флягу. Пищей Алексу служили редкие пустынные животные, которых удавалось поймать.

Каждый его шаг оставлял четкий отпечаток на рыжем песке, тут же поглощаемый ненасытной пустыней. Он не отрывал острого взгляда от земли, где отпечатались следы — крупные, трехпалые, с глубокими бороздами от когтей, каждый из которых был размером с его палец. Эти отпечатки рассказывали безмолвную, но красноречивую историю. Историю веса, хищной грации и безжалостности. Они вели напрямик в пасть ада. И ад этот зиял впереди — лабиринт из темного, почти черного камня. Узкое, мрачное ущелье, что зияло в склоне холма словно незаживающая, гноящаяся рана на теле мира. Оттуда тянуло сквозняком, пахнущим сыростью, костями и чем-то еще, чего Алекс не мог определить, но что заставляла кожу на его спине покрываться мурашками. Это был запах логова, запах засады.

Обычно мутанты — существа примитивные, жалкие порождения радиации, руководствующиеся лишь слепым голодом и слепой же злобой. Их тактика, если это можно было так назвать, была примитивна: навалиться стаей, задавить числом и разорвать в клочья. Но эти... следы были иными. Слишком аккуратными, слишком выверенными. Они не петляли бесцельно в поисках добычи или падали, не вели хаотичную пляску голода, а были проложены прямым, неумолимым путем, будто нити, ведущие в сердце паучьего логова. Они вряд ли охотились, скорее, заманивали.

Внутри Алекса все сжималось в холодный, тугой комок тревожного предчувствия. Звери не обладают тактическими навыками, только инстинктами. Интеллект, пусть и извращенный, стоял за этими движениями. Каждый шаг давался Алексу с усилием, будто невидимая рука упиралась ему в грудь, пытаясь отвести от рокового пути. Но отступить было некуда. Эта стая — гиены-переростки с пятнистой, облезлой шкурой, покрытой струпьями и старыми шрамами, и челюстями, способными перекусить стальную балку, — стали чумой на этом участке Пустоши. Они вырезали уже не один караван, и не просто убивали, а устраивали настоящие кровавые оргии, оставляя после себя лишь обглоданные кости и искореженный металл. Они были бичом, воплощенным хаосом, и их нужно было остановить. Ценой своей жизни, если потребуется. В том Алекс видел свой долг, такова квитанция, выписанная ему самой Пустошью.

Первый шаг в тень ущелья был похож на погружение в ледяную воду могильного склепа. Температура упала на несколько градусов сразу, влажный холод пробрался под одежду, заставив его содрогнуться. Яркий, хоть и унылый свет дня сменился глубокими, синеватыми сумер-

ками. Тишина, царившая здесь, была неестественной, гнетущей, живой. Она поглощала все звуки. Ни шелеста песка, ни писка пустошных насекомых, ни отдаленного воя ветра. Лишь гулкая, давящая тишь, в которой собственное сердцебиение отдавалось в висках оглушительным барабанным боем, а каждый вдох казался неприличным шумом, оскверняющим священную тишину логова. Алекс медленно, почти крадучись, двигался вперед, каждый мускул его тела был напряжен до предела, готовый в любой миг взорваться движением. Пальцы, заскорузлые и покрытые шрамами, с такой силой сжимали рукоять мачете, что костяшки побелели, сливаясь по цвету с древком оружия. Он был почти в середине узкого прохода, где стены сходились так близко, что он мог коснуться их обеих, вытянув руки, когда с вершины скал, нарушая злоещее безмолвие, медленно, с сухим перестуком, посыпались мелкие камешки. Это был не случайный обвал. Это был сигнал.

И этого хватило. Весь сгустившийся ад рухнул в одно мгновение.

С рычащим воплем, больше похожим на хриплый, истеричный смех умалишенного, с обеих сторон на него прыгнули три твари. Они действовали с пугающей слаженностью. Сперва отрезали пути к отступлению, создавая живой барьер за его спиной и загоняя его глубже в каменный мешок, туда, где ущелье сужалось еще сильнее, лишая его пространства для маневра. Еще две, более массивные твари с седыми шрамами на мордах и взглядом, полным холодной звериной ненависти, перекрыли выход, встав плечом к плечу, превратив узкий проход в настоящую западню. Настоящий боевой отряд, действующий слаженно. По незримой, но четкой команде.

«Ими кто-то управляет», — молнией пронеслось в голове Алекса, холодная, рациональная мысль, прорезавшая пелену адреналина. Это осознание было страшнее самих тварей. Но размышлять, строить догадки было некогда. Время для мыслей закончилось. Наступил час крови и стали. Первая гиена, самая молодая и азартная, бросилась на него низко, почти скользя брюхом по земле, раскрыв пасть в оскале, от которого пахло гниющим мясом и свежей смертью. Удар меча был коротким, резким и смертоносным — он пришелся точно в основание шеи, и черная, густая кровь брызнула на камни, зашипев на раскаленной поверхности. Вторая, не дожидаясь, пока он вытащит клинок из костей первой, рванула его сбоку, мощным скольльзящим ударом. Алекс едва успел отпрыгнуть, отдав телу инерцию падения, и острый, как бритва, коготь лишь распорол его поношенный плащ, оставив на коже тонкую красную линию, которая тут же начала пылать огнем.

Они атаковали волнами, как заправские тактики, меняясь, изматывая. Одна делала ложный выпад, отвлекая внимание, рыча и скаля зубы, в то время как другая пыталась зайти сзади, чтобы вцепиться в сухожилие. Третья в это время занимала позицию, готовясь к броску в горло. Холодная, расчетливая тактика убийц, отточенная в бесчисленных стычках. И эта расчетливость, это превосходство, начали рождать в нем ответную, кипящую, первобытную ярость. Он чувствовал себя загнанным зверем, крысой в углу, и это пробудило в нем нечто древнее, дремлющее в самой его крови, в самых глубинах его израненной души. Что-то дикое, первобытное и безжалостное, что он годами пытался усмирить. Стены ущелья, эти каменные свидетели, давили на него, сужая мир до размеров этой кровавой арены. Он был не просто человеком в бою; он был актером на сцене, построенной для его казни.

— Хватит! — прорвалось у него из горла низким, звериным рыком, который, казалось, родился не в его глотке, а в самых недрах земли под его ногами.

Он с силой отшвырнул меч, который вдруг показался ему игрушкой, беспомощной шепкой в этом каменном аду, символом его человеческой слабости. Он вонзил пальцы в каменную, бесплодную почву, чувствуя, как острые края камней впиваются в кожу, и эта боль была сладким обещанием, искрой, которая должна была разжечь пламя. Но это не имело значения. Глубоко под землей, в каменных утробах, он ощутил его — холодный, плотный, послушный и могущественный поток. Металл. Рудные жилы, пролежавшие в недрах тысячелетиями, спав-

шие сном не рожденного оружия. Сила Золотого кузнеца, дар, за который он когда-то заплатил частью своей души, своей человечности, пробудилась, вырвалась на свободу, отвечая на его ярость и отчаяние. Сработала воля, вплавленная в материю, вырвался приказ, отлитый в форму.

Земля под его ногами вздыбилась, затряслась, как в лихорадке. С глухим, многообещающим грохотом и скрежетом ломающихся пород из трещин, из самого сердца скал, вырвались ленты сырого, бледно-серого, почти живого металла. Они извивались вокруг его рук и запястий, как послушные стальные змеи, сплетаясь, уплотняясь и принимая форму, рожденную его волей, его жаждой разрушения, его инстинктом убийцы. Через мгновение, которое показалось вечностью, в его правой руке был тяжелый, идеально сбалансированный боевой молот, от которого исходил тусклый смертный блеск, а на левом предплечье — круглый, массивный стальной щит, на поверхности которого проступали причудливые узоры, словно воспоминания о руде, из которой он был рожден. Он больше не был безоружным. Он стал орудием. Воплощением мести.

Мутанты на мгновение застыли в немом ошеломлении, их крошечные, пораженные безумием мозги не могли осознать произошедшего. Инстинкт кричал об опасности, но картина противоречила всему, что они знали. Этой секунды нерешительности, этого разрыва в их безупречном строю, хватило. Алекс с ревом, в котором слились и боль, и ярость, и освобождение, бросился вперед. Он сам стал оружием, живым ураганом из стали и ненависти. Молот гудел в воздухе, дробя кости с мокрым, чавкающим звуком, от которого стыла кровь. Щит с оглушительным грохотом принимал на себя удары когтей и зубов, и от него, как шипы разъяренного ежа, во все стороны летели стальные осколки, впиваясь в тела тварей, заставляя их взвизгивать от неожиданной боли. Он был воплощением гнева и стали, живой, неудержимой мельницей смерти в сердце каменного мешка. Каждый удар топора был не просто атакой; это было отрицание их существования, стирание их с лица Пустошей.

Но расчетливость стаи, тот невидимый разум, что направлял их, взял верх над их смятением. Пока он рубил одну гиену пополам, отбиваясь щитом от другой, пытавшейся вцепиться ему в горло, третья, самая крупная и хитрая, которую он с первого взгляда принял за вожака, подобралась сбоку. Она двигалась бесшумно, прижимаясь к тенистой стене ущелья, ее пятнистая шкура сливалась с камнем, делая ее почти невидимой в полумраке. Алекс, ослепленный яростью и болью в растянутых мышцах, не увидел, как она сжалась для решающего прыжка, не успел среагировать на последнее, отчаянное движение. Острый, как бритва, коготь, покрытый липкой, маслянистой черной слизью, вонзился ему в бок, чуть выше бедра, проходя сквозь мышцы с ужасающей легкостью.

Боль была не просто ослепительной, а предательски пронизывающей. Будто в рану влили расплавленный свинец, который тут же начал разъедать все живое, расплзаясь по нервным окончаниям леденящим огнем, парализуя волю. Яд. Не просто бактерии с зубов твари, а нечто синтезированное, созданное, чтобы калечить и убивать медленно и верно. Алекс с гортанным, полным агонии криком развернулся, игнорируя пронзивший его шквал боли, и ударил молотом по морде напавшей твари с такой силой, что раскроил ей череп до самого основания, выплеснув на скалы мозг, похожий на серую гниющую кашу. Но яд, коварный и быстрый, уже делал свое черное дело. Мир поплыл перед глазами, затянутый серой, мерцающей пеленой. Ноги, ставшие ватными, подкосились, и он, тяжело рухнув на одно колено, уперся щитом в землю, чтобы не упасть лицом в грязь, в эту кровавую грязь, которую он сам и создал. Собрав последние капли сил, выжатые из самого нутра, он добил последнего мутанта, швырнув в него сгустком воли свой топор, который, описав в воздухе сверкающую дугу, вонзился в грудь твари, а затем тут же рассыпался в грудку ржавой, никому не нужной пыли, как и все, к чему прикасалась его сила — временное, иллюзорное, недолговечное.

Тишина, наступившая после боя, была оглушительной, давящей, полной. Ее нарушал лишь его собственный прерывистый, хриплый храп и тихий, жалобный предсмертный вой одной из гиен, затихающий с каждым вздохом, пока не смолк вовсе. Воздух, прежде наполненный рыком и скрежетом, теперь был густым и тяжелым от запаха крови, разорванных внутренностей и едкого яда. Алекс, тяжело дыша, прислонился спиной к шершавой, холодной скале и медленно, словно в замедленной съемке, скользнул по ней на землю. Рука, инстинктивно прижатая к ране, мгновенно стала мокрой, горячей и липкой от крови, сочащейся сквозь пальцы. Но это была не просто кровь — по жилам разливался тот самый леденящий огонь, искажая реальность, делая краски мира неестественно яркими, а звуки — приглушенными и далекими, будто доносящимися из-под толщи воды.

И тогда, сквозь набегающую волну беспамятства, сквозь пелену боли и отравления, он увидел его. В дальнем, самом темном конце ущелья, за грудками волосатых тел и едким, сладковатым запахом смерти, мерцал странный, необъяснимый зеленоватый свет. Он был теплым, живым, пульсирующим, невероятно притягательным в этом царстве смерти и серости. Он был похож на первый луч солнца в подземелье, на каплю чистой воды в пустыне. Он был полной противоположностью всему, что Алекс знал, всему, чем была Пустошь.

— Галлюцинация. Бред. Отравление, — попытался убедить себя Алекс, отчаянно цепляясь за остатки рассудка, за якорь реальности. Но свет не исчезал, не расплывался. Напротив, он рос, набирал силу, затягивая его угасающее сознание в свою успокаивающую, теплую пучину. Он чувствовал его зов на физическом уровне — как легкое, ласковое прикосновение к коже, как шепот в самой глубине души, обещание покоя и конца страданий.

Пустоши вокруг поплыли, заколебались и распались, как картина, написанная на воде. Вместо выжженной желто-серой пустыни, вместо скал, пропитанных смертью, перед его внутренним взором, ярким и отчетливым, раскинулся мир, которого не должно было существовать. Мир, о котором он знал лишь по полуистлевшим книгам и старым, желтым фотографиям, мир его снов и самых сокровенных, подавленных надежд. Буйная, изумрудная, сочная трава, поднимающаяся ему до колен, прохладная и упругая. Высокие, могучие деревья с темной корой и пышными кронами, тянущие свои ветви к чистому, бездонному голубому небу, по которому плыли пушистые белые облака. Он слышал — он действительно слышал! — шелест листвы на легком ветру и ликующий, разносящийся эхом хор птиц, настоящих птиц, а не пустошных воронов-падальщиков. Он слышал журчание чистой, прозрачной воды где-то рядом, настоящей воды, а не радиоактивной жижи из ржавых труб. Это был мир до титанов. Мир жизни, полной и цветущей, мир, украденный у Пустошей. Сердце его сжалось от щемящей, невыносимой боли утраты и в то же время от безумной, ослепительной надежды, что такое еще возможно вернуть.

И видение сменилось, перетекая одно в другое, как кадры старой киноленты. Теперь он снова видел Пустоши, знакомый до боли адский пейзаж, но на их фоне, среди мертвых, потрескавшихся земель, сиял огромный, полупрозрачный, переливающийся всеми цветами радуги купол. Он был похож на мыльный пузырь размером с небоскреб, но прочный, вечный, сияющий неземным, внутренним светом. Сквозь его, мерцающую оболочку Алекс снова увидел ту самую зелень, те самые реки и леса, тот самый рай, увиденный мгновением раньше. Оазис. Утопия. Миф, оказавшийся явью. Сердце его заколотилось в груди, сжимаясь в тисках невыносимой боли от раны и этой невероятной, почти кощунственной надежды. Найти это место, превратить все пустоши в похожий Оазис.

И тогда, поверх всего: боли, видений и надежды, он услышал Зов. Не звук, доносящийся до ушей, а вибрацию, идущую из самой глубины его существа, из каждой клетки его тела. Тихий, настойчивый, властный и в то же время бесконечно родной, как голос матери. Кто-то звал его по имени, беззвучно, но ясно, заставляя каждое нервное окончание отзываться

на эту безмолвную музыку. Он звал его домой. В то место, где ему больше не придется быть чудовищем, чтобы выжить. В то место, где раны заживают, а яды теряют свою силу.

«Источник», — прошептало что-то в самых потаенных уголках его разума, и это слово отозвалось эхом во всей его душе, наполнив ее новым, незнакомым смыслом.

Это был зов Источника. Той самой легенды, сказки для потерявших надежду, утешения для обреченных, которую он всегда считал красивой, но опасной иллюзией, уловкой для слабых. Теперь он знал — это была правда. Единственная правда, которая имела значение.

Алекс, истекая кровью и ядом, с телом, пронзенным болью, из последних сил, дрожащей рукой потянулся к сияющему куполу, к этому миражу, ставшему реальнее всего, что его окружало. Его пальцы, залитые собственной кровью, вытянулись в немом отчаянном жесте, преодолевая расстояние, которого на самом деле не существовало. Казалось, еще дюйм, еще одно крошечное усилие — и он коснется этого света, почувствует его животворное тепло на своей израненной коже, очистится, исцелится, смоем с себя всю грязь и боль Пустошей...

Но тьма, холодная, безжалостная и густая, как смола, накрыла его с головой, не дав сделать этот последний, отчаянный бросок. Она вползла в его сознание, затушила сияние купола, заглушила зов. Сознание угасло, как перегоревшая лампочка, и он погрузился в бездонную, беззвездную пустоту, унося с собой в небытие единственный якорь — незабываемый, жгучий образ зеленого рая и эхо зова, который уже нельзя было игнорировать. Зова, который менял все. Теперь у него была не просто цель выжить. У него была цель жить.

Глава 6. Под куполом жизни

Боль вернулась к нему первой. Глухая, ноющая, разлитая по всему телу, словно его долго и методично перемалывали в гигантских жерновах. Каждая мышца кричала о перенапряжении, каждый сустав ныл от усталости, а в висках стучал тяжелый молот отголосков яда. Затем пришло воспоминание. Не линейное, а обрушившееся каскадом чувственных кошмаров: вспышка боли в шее, холодящий ужас, предательски знакомый запах пота и металла и всепоглощающая, густая, как смоль, тьма, в которую он провалился, чувствуя, как жизнь утекает сквозь пальцы.

Алекс застонал больше от отчаяния, чем от физического страдания. Он попытался пошевелить онемевшими конечностями, ожидая ощутить под собой колючий, зараженный песок Пустошей, вдохнуть едкую, радиоактивную пыль, смешанную с запахом его собственной крови. Но вместо этого его ладони утонули в чем-то мягком, прохладном и невероятно живом. В траве. Настоящей, сочной траве, которая пружинила под его пальцами, оставляя на коже капельки росы.

Он медленно, с трудом, будто разбитый механизм, открыл глаза. И замер, не в силах поверить в то, что видел. Его мозг, привыкший к палитре выжженных охр, багровых аномалий и свинцовых туч, отказывался обрабатывать эту информацию.

Над ним был не ядовито-желтый или кроваво-красный небосвод Пустошей. Над ним простирался купол. Огромный, идеально прозрачный, словно выточенный из цельного кристалла, сквозь который лился мягкий, золотистый свет, не имеющий ничего общего с ослепляющим солнцем или болезненным сиянием зараженных зон. Этот свет был теплым, ласковым, он обволакивал его, как одеяло. Воздух, который он вдохнул полной грудью, был чистым, свежим и влажным. Он пах... пах жизнью. Сладковатым ароматом цветов, свежестью воды и озоном после грозы. Этот запах обжег его легкие, непривычные к такой чистоте, вызвав приступ легкого головокружения.

Алекс приподнялся на локтях, и мир вокруг него обрел форму, каждую деталь которой хотелось рассматривать бесконечно. Он лежал на небольшом поле из изумрудно-зеленой травы, такой густой и ровной, что она казалась ухоженным газоном из забытых снов. Рядом, извиваясь серебристой лентой, журчал ручей. Вода в нем была настолько прозрачной, что он видел каждую песчинку на его дне, каждую прожилку на гладких, отполированных водой камнях, крошечных рыбок, вспыхивавших словно живое серебро в золотых лучах. По берегам, склонившись к воде, росли цветы — не чахлые, мутировавшие побеги Пустошей, а пышные, яркие бутоны всех цветов радуги: алые, словно капли крови, сапфировые, глубокие, как ночное небо, солнечно-желтые, излучавшие собственный свет. Некоторые из них он знал по своему родному миру — ромашки, колокольчики, другие были ему совершенно незнакомы, их лепестки были причудливой формы и испещрены мерцающими прожилками. Неподалеку стояли деревья с густыми, здоровыми кронами, чьи листья — настоящие, зеленые, сочные листья — шелестели под легким, невидимым дуновением, напевая тихую, древнюю песню.

Это был оазис. Но не просто участок с водой посреди пустыни. Это была капсула, осколок утраченного мира, заключенный под гигантским прозрачным куполом. За его пределами, как в аквариуме с искаженной реальностью, клубился привычный кошмар Пустошей — марево, выжженная земля, уродливые очертания мертвых городов, напоминающих скелеты исполинских зверей. Но здесь, внутри, царила безмятежная, почти идиллическая гармония. Тишина была не мертвой, а живой, наполненной журчанием воды, жужжанием насекомых и шепотом листьев.

— Ты проснулся.

Голос был тихим, спокойным, лишенным тембра и эмоциональной окраски, и от этого казался еще более весомым и древним, чем грохот обвалов или вой бури. Алекс резко огля-

делся, инстинктивно потянувшись к поясу, где обычно висел клинок. Оружия при нем не было. Его потерянная одежда была чистой и целой, будто ее только что почистили и отремонтировали. Даже шрамы на его руках казались менее выраженными, будто сглаженными временем, вне которого существовало это место.

— Не ищи угрозы там, где ее нет, Алекс.

Он снова услышал голос и на этот раз понял, что это не галлюцинация, не порождение измотанной психики. Телепатия. Чистая, ясная мысль, входящая в его сознание, словно луч света в темную комнату, не оставляя места для сомнений.

— Кто здесь? — его собственный голос прозвучал хрипло и непривычно громко в этой хрустальной тишине, нарушая ее совершенство.

— Подойди к центру. Увидишь.

Алекс поднялся на ноги, пошатываясь. Его тело все еще болело, но странным образом сама атмосфера этого места, этот чистый воздух, казалось, исцелял его, придавал сил. Каждый вдох был целебным бальзамом. Он прошел по мягкой траве, чувствуя, как травинки шепчут его босые ноги — он даже не заметил, что с него сняли ботинки. Мимо ручья, направляясь к середине оазиса. Там, в самой низкой точке, из земли бил небольшой источник, образуя идеально круглое озерцо. Вода в нем была абсолютно неподвижной, ее поверхность не колыхал ни единый ветерок, и она казалась жидким серебром, расплавленным металлом, сохранявшим свою форму.

А над озерцом парило Существо.

Оно не было соткано из плоти и крови. Это была форма, состоящая из чистого света и энергии. Она постоянно меняла очертания, то напоминая человеческую фигуру с размытыми чертами, то превращаясь в абстрактную, текучую спираль, то рассыпаясь на миллиард мерцающих частиц, чтобы вновь собраться воедино в новом, еще более причудливом узоре. От него исходило мягкое, теплое сияние, которое физически ощущалось кожей как легкое, приятное покалывание, и в воздухе стояло едва слышное гудение, похожее на песню далеких звезд, на гармонию сфер.

— Я — Хранитель. Некоторые из тех немногих, кто достигал этого места, называли меня Древним. — Мысль существа была подобна тихому, мощному аккорду, звучащему в самой его глубине.

Алекс остановился в нескольких шагах, не в силах отвести взгляд. Он не чувствовал страха. Только благоговейный трепет и глубочайшее изумление, которое вытеснило всю боль, всю усталость, всю горечь прошлого.

— Где я? — спросил он, и его вопрос прозвучал жалко и неуместно в этом месте силы и знания.

— Ты в Сердцевине. Последнем убежище жизни, в самом эпицентре смерти. Под куполом, что хранит то, что было, и то, что еще можно вернуть. Это память планеты, Алекс. Ее последний сон перед вечным пробуждением во тьме.

Древний медленно пульсировал в такт некоему незримому ритму, и его свет становился то ярче, то приглушеннее.

— Меня сюда привели... меня укусил мутант. Я должен был умереть. Я чувствовал, как яд сжигает меня изнутри.

— Ты должен был измениться. Яд тварей, что бродят по Пустошам, — это искаженная, оскверненная жизненная энергия самого Источника. Для большинства она смертельна, ибо их дух слишком хрупок, чтобы вынести такое прикосновение. Но в тебе... в тебе она нашла проводник. Твоя воля к жизни, твое... упрямство, что ли, создали уникальный резонанс. Яд на короткое время открыл дверь в твоё сознание, позволил мне прикоснуться к тебе и перенести сюда, в последний момент перед тем, как твоё тело не выдержало бы нагрузки. Я стабилизиро-

вал процесс, направил энергию в конструктивное русло. Ты больше не умрешь от этого укуса. Но часть яда, часть его сути, теперь в тебе. Навсегда.

Алекс сглотнул. Воспоминание о тех чудовищах, об их горящих глазах и клыках, заставило его содрогнуться. Он посмотрел на свою руку, ожидая увидеть почерневшую кожу или зеленые прожилки. Но кожа была чистой.

— Зачем? Почему я? Я не особенный. Я просто бежал.

— Потому что время на исходе, Алекс. И ты — последняя надежда, о которой мы даже не смели мечтать. Потомок Золотых кузнецов! У тебя есть шанс изменить этот мир!

Древний переместился, и его сияние отразилось в неподвижной воде источника, создавая причудливые, постоянно меняющиеся узоры, похожие на письмена неизвестного языка.

— То, что ты называешь Пустошами, — это не просто постапокалиптический ландшафт. Это рана. Глубокая, гноящаяся рана на теле планеты. Она была нанесена в эпоху, которую называют Старыми войнами. Акт самоубийственного безумия, который разорвал саму ткань реальности в этом месте. И, как любая неизлеченная рана, она начала гноиться. Гангрена медленно, но верно расползается по миру, отравляя все, к чему прикасается. То, что ты видишь за пределами этого купола, — лишь малая часть заражения. Оно уже вышло далеко за пределы этих земель, тянется к здоровым регионам, как метастазы.

Мысли Древнего текли в сознании Алекса, обретая форму зрительных образов, более реальных, чем любое воспоминание. Он увидел планету, прекрасную и голубую, а на ее поверхности — черное, пульсирующее, живое пятно, от которого во все стороны расходились ядовитые багровые прожилки. И с каждой минутой пятно росло, а прожилки становились все шире, выжигая океаны, превращая леса в пепел, отравляя атмосферу. Он увидел, как на границах заражения люди строили стены, возводили щиты, но багровые прожилки просто обтекали их, находя лазейки в самой реальности.

— Источник... то, что вы, люди, считаете причиной мутаций и аномалий, не является причиной, Алекс. Это сердце. Сердце самой планеты в этом месте. Ее жизненный узел. Оно пыталось исцелить рану, выжечь заразу, регенерировать ткани, но вместо этого само было отравлено, извращено болью, страхом и ядом, которые выплеснули в него. Теперь оно умирает. Бьется в предсмертной агонии, и каждый его судорожный вздох рождает новые аномалии, новых мутантов. И когда его биение прекратится...

Видение в его голове изменилось. Теперь он видел Пустоши. Но не те, что он знал. Это был абсолютный, окончательный конец. Земля превратилась в серую, безжизненную пыль, неспособную породить даже чертополох. Небо было черным, без звезд и солнца. Ни ветра, ни звука. Только вечная, безмолвная пустота, холод, пронизывающий до костей. Видение охватывало весь мир. От полюса до полюса. Полная, тотальная смерть. Биосфера, обращенная в ничто.

— Когда его биение прекратится, гангрена достигнет сердца всей планеты. И все живое будет обречено. Не только здесь. Везде. Цепная реакция распада пройдет по всем энергетическим линиям мира. Конец цивилизации. Конец жизни как таковой.

Алекс почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он снова опустился на траву, не в силах вынести тяжести этого откровения. Вся его борьба оказалась ничтожной песчинкой в масштабах надвигающегося апокалипсиса. Хотя, разве не этого он хотел? Не ради этого покинул Вольный город, чтобы защитить этот мир, спасти его, сделать лучше?

— Но... что я могу сделать? Я, может, и потомок Золотых Кузнецов, но я почти ничего не умею! У меня нет ни их знаний, ни мастерства! Все способности, я использовал интуитивно, когда грозила опасность или я злился!

— Ты — ключ, Алекс. Ты прошел через Пустоши и остался жив. Ты был отравлен, но твой дух не сломлен. Более того, яд «открыл» тебя. Сделал тебя восприимчивым к энергии Источника. Другие просто сгорят, приблизившись к нему, их сознание будет стерто чистым,

нефильтрованным безумием умирающего сердца. Ты — нет. Ты можешь дойти до него. Войти в самый эпицентр. Исцели его, Алекс.

Эта мысль прозвучала с такой силой и интенсивностью, что у него потемнело в глазах и зазвенело в ушах. Это была не просьба, не предложение. Ему отдала приказ сама Вселенная.

— Как? Я не врач, не... бог. Я не знаю, как исцелять умирающие сердца планет! Моя сила, я до конца не понимаю, даже как она работает! Я умею стрелять, прятаться и выживать. И все!

— Путь покажет себя. Ты должен добраться до эпицентра. Ты принял силу Сердца Пустоши, доверься ему, оно поведет тебя, укажет путь в нужную точку. Там ты поймешь. Доверься тому, что почувствуешь. Инстинкту, который вел тебя сквозь Пустоши. Той частице жизни, что еще теплится в тебе. Но знай: тебе противостоит не только сама болезнь Пустошей, не ее слепые, дикие порождения.

Образ Смита, холодного, расчетливого, с глазами, полными ледяного огня алчности, возник в его сознании, привнесенный мыслью Древнего.

— Он и ему подобные видят в Пустошах не рану, а жилу. Гигантскую, неисчерпаемую жилу ресурсов, аномальную энергию, которую можно обуздать, подчинить. Они хотят пробудить ее, выкачать всю оставшуюся силу, все соки, чтобы питать свои машины и свои империи за пределами этого места.

Алекс сжал кулаки. Трава под его пальцами смялась, выпустив душистый сок

— Мы же изгнали его. Смит больше не вернется! — Алекс произнес это и вдруг понял, что ошибается.

Он достаточно узнал Смита, чтобы понять: этот человек не остановится. Даже после изгнания он найдет способ вернуться, чтобы выкачать из Пустошей все. А то, что мир и так гибнет, лишь развяжет Смиту руки: если миру конец, то нечего с ним церемониться.

— Я остановлю его, — сказал Алекс твердо.

— Да. Но твоя главная цель — Источник. Исцеление. Все остальное — вторично. Если ты не успеешь, не будет ни Смита, ни его людей, ни тебя, никого. Твоя месть, твое правосудие не будут иметь никакого значения в мире без жизни.

Алекс сидел, уставившись в воду источника, в своем отражении он видел испуганного мальчика, затерянного в гигантской, безразличной вселенной. На него свалилась ноша, неподъемная для одного человека. Человека — возможно, но он был Золотым Кузнецом. За его спиной тени великих творцов, а значит у него был шанс.

— Я попытаюсь! — сказал Алекс. — Ты прав — у меня есть силы и цель. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы спасти свой мир! Даже если не получится, я погибну с осознанием, что сделал все, что мог! Но мне страшно не справиться.

Древний ответил не сразу. Его светящаяся форма сгустилась, стала более плотной и сосредоточенной, словно все его существо собралось в одну точку.

— Вера и сила приходят не извне, Алекс. Они пробуждаются внутри, когда на кон поставлено все, когда за спиной нет пути к отступлению. Твои сомнения делают тебя человеком. Твой страх — доказательство того, что ты понимаешь масштаб. Бездушный фанатик или слепое орудие мести уже давно бы пали. Но есть нечто, что я должен тебе показать. Не тень из прошлого, чтобы ты понял, откуда пришел. А тень из будущего, чтобы ты понял, куда можешь прийти, если дрогнешь, если сомневаешься, если выберешь не тот путь. Если позволишь яду внутри себя говорить громче, чем голосу жизни.

Вода в источнике внезапно взволновалась. Ее серебристая гладь помутнела, затем потемнела, превратившись в черное, бездонное зеркало, в котором не отражалось ничего. Алекс невольно наклонился вперед, заглядывая в него, чувствуя ледяное дыхание, исходящее от вод.

Сначала он увидел только хаос. Пламя, пожирающее остатки городов, которые он когда-то знал. Дым, застилающий небо. Ослепительные вспышки выстрелов, режущие багровый

мрак. Это было поле боя, но такого он еще не видел. Армия людей в стерильных, одинаковых униформах — стальные щиты, сливающиеся в единую стену, гудящее энергетическое оружие, бронированные машины на гравитационных подушках — шла в методичное, безжалостное наступление. А навстречу им шли...

Твари. Мутанты. Но не те дикие, неорганизованные стаи, что нападали на него в руинах. Это была армия. Дисциплинированная, страшная в своей организованности, движущаяся как единый организм. Ими командовал... человек.

Нет, не человек. Не совсем.

Он был высоким, могуче сложенным, а лицо, искаженное гримасой холодной, безжалостной ярости, абсолютной власти над смертью и разрушением, было узнаваемо до боли.

Это было его собственное лицо.

Алекс видел себя. Свое темное отражение, воплощение всего, чего он боялся в себе. Он стоял на возвышении из обломков и трупов, отдавая приказы, которые нечеловеческим, многослойным ревом повторяла его армия. Его мутанты сметали все на своем пути с ужасающей эффективностью. И за этой армией, как и за армией Смита, оставалась только выжженная, мертвая земля. Никакого исцеления. Никакой жизни. Только окончательная смерть, несущаяся из самого сердца Пустошей, ведомая его собственной рукой.

— Вот тень твоего будущего, Алекс, — прозвучал голос Древнего, полный бездонной скорби, скорби за все живое. — Если ты сломаешься. Если боль, предательство и яд, что теперь есть в тебе, возьмут верх. Если ты решишь, что единственный способ выжить — это стать частью болезни, а не лекарством от нее. Если ты примешь хаос внутри как свою истинную суть. Ты станешь тем, кого ненавидишь. Ты станешь новым сердцем для этой гангрены, ее разумным началом, ее полководцем. И поведешь ее на последнюю, уничтожающую все битву против таких же слепых, как и ты, уничтожителей в лице Смита. И в этой битве не будет победителя. Будет только тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.